

Сергей Стасенко

СКРИПТОМАНИЯ

Сборник рассказов

От автора

Привет!

Еще пару лет назад я понятие не имел, что буду писать текст под заголовком «От автора». Говорят, что это приветствие для читателя, общие слова, о чем книга, для кого написана, благодарности и прочее.

Честно признаюсь тебе, лично я текст от автора никогда не читаю. Какое мне дело, кого благодарит этот чувак, о чем его книга и для кого она? Уверен, если и ты его пропустишь, то никоим образом не лишишься удовольствия понять смысл бытия и окунуться в мир полного дзен.

Несправедливо судить людей по себе, однако здесь не тот случай.

Любая книга — это зеркальное отражение писателя. Я и сужу по себе.

Так вот, если ты не любишь больше десяти страниц читать непонятно о чем, ты мало сидишь

на месте, ты энергичен, эмоционален, вспыльчив, не любишь прелюдий, переходишь сразу к делу, эти восемнадцать историй для тебя!

А теперь к делу.

Fun_мания

Скрипт1_Веник

— Короче, захожу я к ней домой, чувак, и офигеваю. Восемнадцать кошек! ВО-СЕМЬ-НАД-ЦАТЬ! Ты прикинь? И эта девочка из клуба, во-от в такой мини-юбке, во-от с таким декольте и во-от с такими губищами. Как можно было такое представить?

— Та ладно, Колян. И чего сказала?

— Та я только и успел услышать, что она из общества по защите прав кошек. Там вообще котов не было. Только кошки. Я себя мышью в этот момент почувствовал.

Колян шел рядом с Женей и дико хохотал. Они подходили к парку. Услышав последнюю реплику, Коля завелся еще больше. Потом, держась за живот:

— У... У... У меня во-вопрос... — давится со смеху. — А ты, когда посчитать их успел? Ты ж выскочил оттуда через минуту.

— Так она вдогонку мне кричала, мол, что их

всего восемнадцать и в комнату не пускает. Вроде от этого квартира стерильной становится.

Коля снова вспыхнул. Наконец, успокоился.

— Да, чувак. Ты чистоплюй. Меня б это не остановило. Ну коты, ну запах. И че? Нос зажал и вперед в комнату с ней. Там окно открыл и нормально. Лето на дворе.

— Что ты говоришь? Я последнюю только на дворе от ноги отдрал. Вроде не июль, а пожизненный март. Такая себе «Кошкас Озабоченус».

— Слышь, я латынь не учу, юрист. Это по нашему чего?

— Это, Колян, значит, что ты антисанитарный сукин сын, которому все равно, где и с кем.

— Ну-ну-ну. Не хаами. Я, например, с владелицей удава Пети не смог. Он какой-то больно активный был. Я ж думал они вялые дома всегда. А этот — нет. Я к ней пришел. Разделся. Слава Богу только пальто сбросил, а он уже мне на шею залазит. Эта красавица главное говорит: «Ты Петю не бойся. Он только мышей ест, правда на той неделе папу цапнул за ногу, теперь в гипсе ходит. Так что ногами, — говорит, — не разбрасывайся». Ну, я Петю сбросил. Еле ноги унес. Он, сволочь, зашипел и давай атаковать меня. Даже дверь не захлопнул. Она мне потом с тринадцатого этажа орала, мол: «Колечка, я его к соседу отдам.

Вернись!»). Чего не делает мать двоих детей, когда ей сорок.

— Так ты со старушками, что ли?

— Ха. Старушка. Дай Бог так каждой восемнадцатилетней выглядеть. Коса громадная, ноги от ушей. Рот такой, как у Анджелины Джоли. Только та сделала, а у этой свой.

— Анджелина вроде и сама уже не молоденькая.

— Да иди ты! — Женя схлопотал дружескую оплеуху.

Оба заржали. Зашли в парк.

— Я ж вроде уже слышал от тебя эти байки.

— Это не байки, а реальные истории из жизни Николая Французова.

— Простите, Николай Аристархович.

— Аристархом деда моего звали, Жека. А я Владимирович. Не знаю. Чё-то в последнее время с девочками подзаглохло. Вроде и лето, а они с понтами. Чего понтоваться?

— А ты сам подумай. Половина лета позади. Они уже подустали. Разозлились. Большинство себе нашли. Остальные стремные. Надо менять тактику.

— Кстати, мне тут Гена на днях говорил, что он как-то сразу двух снял. А был с племянником. Племяннику пять. Смышлёный. Машинка, танчик и малой любую прихоть выполнит. Резко пай-мальчиком становится. Девчата: «Ой, какой

хорошенький папа с карапузом. Ой, бозе, бозе, бозе». Ну и пошла-поехала. Потом на финальном этапе малого быстро домой к брату спраживает на такси.

— О! А у тебя есть племянш?

— Нет. А у тебя?

— Тоже. Слушай, а может твой Гена нам одолжит своего. Мы ему двух танчиков с барби...

— Та нет. Не вариант. Малой на моря двинул. До конца лета.

— Печаль.

— Погоди. Не суетись. Мы тут вот ходим, как оболтусы, а вокруг куча девчонок. Вот, например. Ану пошли.

Коля с Женей направились к двум девушкам на роликах. Те стояли в тени. Пили воду.

— Эй, девчонки!

Девушки мельком глянули на парней.

— Потеряйтесь, мы лесбиянки!

Девушки моментально уехали.

— Ни фига себе. Коль, я что? На тролля похож?

— Та нет, вроде. Максимум орк.

— Давно такого не слышал.

— Да ладно. Мы просто их не достойны. Глянь. Вон те, кажись, попрличнее. Не спортсменки. Пошли.

— Теперь ты начинаешь.

— Та без проблем.

— Девчонки, привет! Мы тут гуляем, решили вас украсть.

— Ой, Га-аля. Посмотри на этих воров. Ты б себе шмоток украл, что ли.

— Ага. И мокасинчики смени. А то за дядей, небось, донашиваешь. Свободны, хлопцы.

Девушки удалились. Парни стояли, как вкопанные. Коля разглядывал свои мокасины.

— Жека, я их в том году купил. Че не так?

— Вот-вот. Не парься. Они жлобихи какие-то. «Га-аля»... Вкурил?

— Меня это не утешает. Короче, без негатива. Может лучше по пивку?

— Ну да. А потом водочки, футбол, чипсы и к тридцати на деда станешь похож. Бери от жизни все, старик!

— Я вас понял, господин Бренсон Ричард.

— Наоборот.

Парни двинулись дальше и вышли из-за холма. Перед ними табличка с нелепой надписью: «Прокат собак». На стуле сидел скучающий парень. Читал книгу.

— Здравсте! — Коля первым подошел впритык. — А что это за новшество у вас?

— Пе... в го... про ш..ак.

— Чего?

— Пе... в го... про ш..ак.

— Я ни черта понять не могу. Коля, че он говорит?

— Я, кажись, понял. Первый в городе прокат собак. Так, уважаемый?

— Угу.

— Может выплюнешь жвачку со рта.

— Тьфу. Да. Добвый вень! — жвачка не очень помогла делу, парень явно с дефектом речи. — У наш щас фобачек фсех лазоблали. Остался только Веник.

— Веник? — Коля подошел к куняющему мопсу под деревом. — Чего-то он вялый какой-то...

— Коль, а Коль? На кой нам собака в парке? И что за непонятный сервис. Дружище, — обратился к прокатчику, — зачем собак напрокат брать?

— Как «жачем», молодой щеловек? Это зе новый тленд по фсей Евлопе. Люди шавсем не гуляют. Шабачек не заводят. Дома шидят сутками. За шоцсетями всё. А тут такая находка! Дома шабачку делжать не надо. Плиходишь в палк, белешь наплокат, на сколько хочешь, и впелед. Шабачки стлесс снимают. Доблые. Покладистые. У нас большой выбол. Маленькие, большие, следние. Столоживые и деколативные. Щас всех лазоблали. Только вот мопсик остался.

— Прикольный бизнес, Коля, а? Неужто спрос большой?

— Конечно! Видите, ни одного пса!

- Реально прикольно, — Женя подключился.
- Ты думаешь о том же, о чем и я?
- Ага. Собака идеальный вариант. Это ж почти, как ребенок.
- Верняк. Девочки любят. И он вроде не уродец. Слюнявый правда.
- Гав! Гав! Гав! — Веник подал голос, распустил слюни, потрепался.
- Сколько за Веника, товарищ?
- Што.
- Че «што»? Денег сколько?
- Што, говолю! Не иждевайтесь.
- Да я не понял просто. Слышь, Колюня. Возьмем мопса на пару часиков, а?
- Можно. Он кормленный?
- Веник ест каждый час. С колмом за двешти.
- Двести в смысле?
- Угу, — прокатчик собак вытер рот, его громадные губы еще больше покраснели.
- Вытащил небольшую пачку с кормом.
- Давай стольник, Коля, — тот протянул другу купюру. — Держи, прокатчик.
- Парень молча взял купюру. Отдал корм. Отвязал пса. Снял ошейник. Веник немедленно сделал два круга вокруг ребят, весело трепаясь и погавкивая. Потом внезапно рванул. Убежал вглубь парка.

— Так, жабыл сказать. Нужны ваши документы. Пасполт или плава. Иначе никак.

— Коля, у меня кажись права с собой. На, держи, уважаемый. Слышь, а че он рванул так?

— Шоветую поймать, а то без собаки документы не велну. Тепель Веник ваш на два часа.

Прокатчик невозмутимо сел на место и продолжил читать. Собаки было не видать.

Женя схватил поводок и побежал за собакой.

— Жека, погодь!

— Какой «погодь»? Оно убегает к дороге!

Женя бежал со всех ног. Коля догонял его.

— Веник, стой! Стой! Стоять! — Веник мчался к дороге, уши весело развивались.

В последний момент перед дорогой Женя швырнул поводок в собаку. Поводок угодил тому по заднице. Веник жалобно взвизгнул и остановился, проверяя, что не так с задницей. Женя нагнал пса, зажал того между ног, чтоб не убежал. Веник ничуть не смутился подобному обращению. Он продолжал пытаться дотянуться до задницы, по ходу дела обмазывая слюной ноги Жени. Видимо, Женя швырнул на совесть. Из-за дерева показался запыхавшийся Коля.

— Ёлки... Хе... Хе... Чтоб его. Женя, давай его вернем пока не поздно. Права заберем и дуем в «Мак». Кофе пить.

— Да подожди ты! Я не могу поводок одеть...

Он все время задницу лижет. Веник, фу! Сидеть, Веник! Нельзя!

Мимо проходили две симпатичные девушки.

— Юля, ты глянь, какая прелесть, — застрявший Веник между ног у Жени стал выгрызать что-то под хвостом.

— Бозе, и как же нас зовут? — девушка склонилась к собачке, тот весело гавкнул ей в лицо, разбрызгивая слюну.

Женя обернулся на оклик. Улыбка заиграла на лице. Веник, почувствовал слабинку в хватке, вынырнул из ног и помчался назад в парк.

— Твою мать! Веник, стой! На шаурму пуцу.

— Фу, как некрасиво. С собачкой нужно ласко...

— Сама попробуй с ним ласково, — Женя огрызнулся. — У него права мои!

— Где вы раньше, блин, были? — Коля бросил девушкам и двинул за другом.

Веник бежал что есть сил.

— И откуда... У него... Столько... Сил... Хе... Хе... — Коля хекал за Женей.

— Это всё «Чаппи»...

— Черт шепелявый... Не даром он так хитро... Шепелявил... Видать, под дурачка косил... Мы ж его до ночи не поймаем... Потом двойную цену накрутит...

Веник скрылся за поворотом. Нырнул в кусты.

Из кустов послышался крик, потом грубый мат. Судя по голосу, матерился мужик. Женя и Коля заглянули в кусты.

— Меня щас вырвет. Он же извращенец. Колян, это ж мужик.

— Сам вижу, что не мопсиха.

Веник прицепился к ноге мужика. Тот судорожно пытался застегнуть ширинку.

— Вашу дивизию! И отлить спокойно не дают, извращенцы. Эй, вы двое, ваша псина?! — Веник не отставал от ноги мужика.

— Та нет. Напрокат взяли. Он арендованный.

— Совсем дурные?! Отцепите его.

— Стой. Только не двигайся. Мы его уже полчаса ловим по всему парку. Сейчас заберем.

Женя и Коля стали окружать мужика, его ногу и Веника.

Мужик, наконец, поднял ногу выше и отшвырнул Веника в кусты. Тот шмякнулся и жалостно заскулил. Мужик свалился на землю.

— Я сейчас вас прибью, — мужик поднялся и бросился на Колю с Женей.

Те отскочили и выбежали из кустов. Веник, очнувшись, весело замыкал компанию. Коля и Женя бежали со всех ног от догоняющего их громилу. Веник гавкал, высунув язык.

— Колян, рядом?

— Ага.

— Давай разделимся. Он отстанет.

— Точно.

Коля и Женя резко свернули один влево, другой вправо. Громила, запыхавшись, остановился, размахивая кулаками. Веник нагнал громилу. Со всего маху врезался головой тому под коленку. Громила от неожиданности рухнул на землю.

— Гав! Гав! Гав! — Веник весело лизнул руку громиле и снова помчался вглубь парка.

— Я тебя найду! — громила лежал на земле.

Коля, заметив, что его никто уже не догоняет, остановился. Сел на землю. Тяжело дышал. Недалеко из-за кустов вынырнул Веник. Он стал подбегать к Коле. Остановился в метрах пяти.

— Та-ак... Хе... Хе... Веничек, хорошенький паршивец. Сейчас папочка тебя поймает. Черт меня дернул тебя взять.

Коля медленно стал подходить к Венику. Из-за тех же кустов вынырнул Женя.

— О, Коля. Веник!

Веник, увидев окружение, рванул в другую сторону.

— Да елки-палки, Женя, какого?!

— Я ж не знал...

— За ним бегом.

Они снова побежали за собакой. Веник на удивление быстро бегал. Ребята за ним бежали, уже

не переговариваясь. Тот снова скрылся за холмом. Друзья, не добежав до него, остановились.

— Слушай, будь он проклят. Давай посидим. Хоть минуту. У меня скоро сердце выпрыгнет и убежит на фиг из парка.

— Ага... — они рухнули на землю, спина к спине.

— Черт... И какой же сукин сын придумал этот «Прокат собак»?

— Какой-то женоненавистник.

Коля рассмеялся после реплики друга.

— Фу-ух. Чего делать будем?

— Надо рассуждать логически... Будем мыслить, как псина.

— Нет, тогда давай я буду мыслить, как псина.

— Давай-давай.

— Если бы я был чокнутым мопсом, куда бы я пошел после получасового бега?

Ребята замерли. Хором:

— Пить!

— А где он тут пить найдет?

— Я видел через метров пятьдесят огромную лужу. Она не высыхает круглый год.

— Давай туда бегом.

— Да щас «бегом». Глянь на мышцу на ноге.

У Коли на ноги пульсировала жила.

— Тогда хоть быстро пойдем.

Друзья двинулись на новые поиски Веника.

Впереди огромная лужа и грязный Веник, который хлебал воду. Он весь стоял в воде, не гнушаясь хлюпающей вокруг грязи.

— Тихо-о, — Коля зашипел. — Он хитрый. Нас заметит — сразу свалит. Надо не дать ему вылезти из лужи.

— У меня мокасины...

— Сними их к чертям.

Друг сбросил мокасины. Второй тоже. Они стали тихо подходить к луже. Веник напился и обернулся с грязной мордой.

— Замри! — зашипел Женя. — Он реагирует на движение.

Ребята уже стояли на краю лужи. Веник внезапно двинулся на друзей и что есть сил плюхнулся у их ног, обрызгивая с ног до головы грязью. Те зажмурились. Веник стал наматывать круги вокруг Коли и Жени, в корне изменяя цвет одежды, да и вообще весь имидж ребят.

Коля рванул в грязь за собакой. Схватил поводок и набросил на пса.

— Врешь, гад. Я все равно тебя обыграю! — видимо слова Коли были услышаны.

Ему удалось зацепить поводок за собаку. Но Веник не унывал. Коля поскользнулся и упал в грязь. Веник вырвался и побежал к Жене. Тот схватил его за край поводка. Веника это не

остановило. Он стал закручивать Женю, бегая вокруг него. Второй боец был тоже повержен. Он рухнул рядом с Колей.

Тем временем Веник вместе с поводком отскочил от лужи. Остановился. Стал внимательно разглядывать ребят.

Те, отплеывая грязь, сели в луже.

— Я теперь тебе на зло буду жрать только шаурму! — зло бросил Коля Венику.

— Гав! Гав! Гав! — Веника, очевидно, это очень развеселило.

Он принялся барахтаться в траве, вытирая с себя грязь. Накувыркнувшись, он снова куда-то побежал.

— Жека... — Коля потерянно смотрел на друга. — Тебе сильно права нужны?

— Хрен с ними. Напишу заявление. Типа украли. Потом восстановлю. Это нереально. Псина нас победила.

— Давай. Подымайся, — Коля поднял Женю.

Грязные и уставшие они понуро двинули на ближайшую парковую дорожку. Люди оглядывались. Дети тыкали пальцами.

— Мамочка, гляди, какие страшные дяди? Им можно быть грязными, а мне нет?

— Какие дяди, Алена? Это бомжи. Идем со мной быстрее.

Мама с ребенком драпанули он вынырнувших

Коли и Жени из-за поворота.

— Видишь, Колян. Теперь мы на бомжей похожи.

— И это, по ходу, еще не самое страшное сравнение, — Женя стряхнул грязь с волос.

Выйдя на холм, они замерли. Перед ними стояли две длинноногие девушки. Одна краше другой. Рядом резвился Веник. Они склонились над ним.

— Ух ты, какой хороший... Сидеть... Молодец. Служить... Какой умница! Карина, он чудо. А ты чей же? Ой... Боже, — девушка заметила появившихся страшилищ. — Э-э-э... Ребята. Ваш питомец?

— Да... — Коля неуверенно.

— Вы бы его не отпускали...

— Простите, — подала голос вторая, — а что с вами случилось?

Коля и Женя переглянулись.

— Мы упали, — тихо хором.

— Бедняжечки. Окатило же вас. Слушайте, мы тут живем рядом. Может зайдете к нам... в душ. А то вряд ли вас куда-то так пустят.

— Только чур ваш крошка тоже к нам. Покормим. И вас и его... — она хитро хихикала.

Веник:

— Гав! Гав! Гав! — подбежал к ребятам.

Они снова переглянулись. Собака стала

наматывать круги. Заметив, что на нее не реагируют, остановился. Встал за метр перед ними. Стал внимательно смотреть. Повернул голову на бок.

— Гав! Гав!

Ребята дернулись и хором ответили:

— Нет!!!

Они развернулись и зашагали прочь. Веник побежал за ними, погавкивая.

Через минуту очнулся Женя:

— Слышь, ты думаешь о том же, о чем и я?

— Наверняка. Чур за пивом ты идешь. Ты чище.

— Лады. Тогда едем к тебе. Ближе.

— Только чертенка этого отдать надо.

Внезапно Веник, заметив в метрах ста от компании еще одного мопса, выдал свое фирменное «Гав! Гав!», рванул в сторону «коллеги».

— Это не судьба, — Коля уныло смотрел собаке вслед.

— Да. Это рок.

Скрипт2_Васька

Васька удрал от хозяйки... Нет, не так.

Я удрал от хозяйки!

Я семикилограммовой гладкошерстный британец. Купила меня моя человеко-мама на

«птичке». Хозяин звал ее почему-то «Эй-ты». Видать, у людей это высшая похвала. Так любил ее, что бывало пьяным завалиться под утро, мне подсрачник даст. Я бегом на кухню. Кушаю на нервной почве. А они ругаются до драки. Под утро язычками лижут друг друга. Прямо, как я себя.

Каким-то невообразимым чудом я оказался породистым. Почему? Видно, моя кошачья мамаша таки гульнула с породистым британцем и получился я. Кошачий бог смилостивился и сделал меня первым в помете. Здоровый, крепкий, жирный. А как жирным не быть с шестиразовым кормлением у мамыши? У меня все было в ажуре до года жизни.

Спал на подушке, кормился отборным кормом, катался когтями по кожаному диванчику. И постоянно эти подсрачники за подсрачником! И чего мне не дают этого делать? На нем такие красивые узоры остаются!

Однажды я подслушал странные разговоры папаши и мамыши. В этот раз хозяин не напился, а мамыша в хорошем расположении. Сидят такие, общаются. А я ведь не только «мяу-мяу» понимаю. Глупые человеки! Мы коты умнее всех вас... сапиенсов! Так вот, говорили они о... кастрации. Мол, Васька ссыт где ни попадя. Пора его «выхолостать». Домашний ведь.

А мне, глупенькому созданию, ни в домек, о

чем они. Сам думаю — небось папаша с мамашей решили мне новое лакомство подогнать. Порода я! И главное такие: «Поедем к Валере на район. Он быстро все сделает — дрысь и класс. Васька без проблем. А мы без вонища». Я расстроился. Понял, что речь не о еде. Думаю, мамаша с папашей решили новый горшок мне подарить. А мой синенький нравится. Я от него без ума. Так нет же. Новый захотели.

Пошел я в свой домик, приуныл. За хвостом, как обычно, не гонялся. Папаша с мамашей любят на это смотреть. Отомщу, думаю. Прыгнул на окошко. А там идет ко мне корефан с соседнего этажа. Альберт! Нет, ну как можно так приличного кота называть? Видать, не породистый. Весь какой-то страшный такой, лысый, ни шерстинки, представляете?! Но подружились мы как-то с ним. Я ж на втором этаже живу. Виноградные грозди до низу спускаются. Надумал я, как подрос, гонять на улицу. Так мне это дело понравилось, что от удовольствия лежал верх пузом на солнце. Однажды ко мне подкралось это страхолудие. Я как раз беззаботно мечтал о селедке. Какая-то мурашка ползала по моей шерстке на голове, от чего я шевелил одним усом.

Этот гад докопался до моего хвоста, представляете? Давай с ним играть без спроса. А я ж в позе без защиты лежу — верх пузиком. Люди

любят в этот момент мне бросать с пятого этажа курочку. А тут этот всю малину портит. Я ж интеллигент. По мордасам ему заехал. А он оказался не из скромных. В общем, повздорили. Потом лежим такие, вылизываемся. Хотя не знаю, чего ему вылизываться. Завел со мной разговор о жизни своей непростой, о породе, оказывается его никто не брил, само такое выросло с рождения. Сдружились.

Так вот. Альберт приходит ко мне на козырек. Весь такой унылый. Или сметаны не дали вечером, или диван не царапал. Я ему:

— Алик, что с тобой?

Лысый отвечает:

— Сделали со мной ужасное. Теперь ни одна пушистиха мне не интересна.

Так мы с ним кошечек называем. Я говорю:

— Как это?

— Да понимаешь, братец, поймали меня хозяева за пометкой. Я же каждую среду нахожу новые тапки хозяина и доброе дело ему делаю. Мечу, обновляю, чтоб пахло приятно. Чтоб про меня, Алика, все время помнил. А тут сделал, а хозяин как надавал мне тапком по усам. Я аж рыбу перестал унюхивать у соседки в квартире. Удрал я под диван. На следующий день повезла меня хозяйка в какое-то белое помещение. Кольнули меня. Заснул. Очнулся в дурмане и без... — тут

Алик захныкал, первый раз видел таким лысого.

— Без чего, Алик?

Он увалился на другой бок и я увидел...

— Чего это, Алик?

— А уже ничего. И назвали еще так интеллигентно это. Кастрация.

Я вскочил. Передернуло меня. Помчался вниз по винограду. Заметался по дворику. Алик поковылял ко мне. Говорю:

— Мамаша с папашей то же со мной хотят сделать. Мяуууу, — я жалобно заскулил.

— Беги, Вася, беги! Ты еще пока можешь так мужественно мяукать. А у меня получается только так — мяу-мяу...

Мяуканье Алика напоминало мелкий скрип двери, которую только-только поставили на петли, еще не успела притереться. И я побежал. Бежал так долго... По дороге цеплялся за ветки, теряя свою перламутровую шерстку. Два раза вбухался в дерево. Чуть сознание не потерял. Думал, что усов уже нет. Прележал долго. Очнулся и побежал дальше. Помню: дома мог бегать вокруг люстры часа два в день. Потом уставал. А на ночь, как назло, дочка мамаша — я звал ее Мини-мамаша — включала какую-то люстру особую. Она так переливалась разными фонариками и ничего не оставалось — бегал полночи за синеньким шариком. Эх! Были времена. Мне так жалко себя

стало. Думаю, так и помру, не увидевши короля... Да что там короля? Императора всех селедок в мире. Осетра!

Мне про него Алик рассказывал. И тут я понял, что в темноте. Немедленно заметался, четыре раза на что-то наткнулся и уснул на нервной почве. Проснулся от странных голосов.

— Слышь, Мерсик, это что за куча шерсти?

— По ходу салага из домашних, Джипик.

В этот момент я убрал свою лапку с мордочки и огляделся. На меня глядели две пары страшных, глупых, злых, неотесанных глаз. Я проговорил:

— Позвольте.

— Ха! Мяу-мяу-мяу! Джип, он, кажись, только с квартирки соскочил. Не чухается... Точняк. Блох еще нет. Алё, ваше кошачье высочество, ты по-нашему понимаешь, мяу-мяу?

Они были совсем черными. Ни рыжего, ни серого с белым. Одна черная смоль. Никогда таких страшных не видел в своей жизни.

— Позвольте, товарищи, я уже сейчас должен быть к завтраку...

— Мяу-мяу-мяу, — Джип и Мерседес хором замяукали, смеясь.

— Ты что это? От хвоста своего в нашу лачугу забежал? Или малая хозяйки по комнате раскрутила и шваркнула с девятого этажа? Слышь, Мерседес, на той недели в третьем подвале

новенького Пух нашел. А Пух, сволочь, унюхает всех. Даже, когда я в песочнице через две улицы мечу, унюхает, козел, бежит Дульсинее стучать. Я потом три дня все подвалы от крыс стерег.

— Упырь бесхвостый. А кто ему хвост оторвал?

— Погодь, Мерс, давай с этим жирным разберемся. Ку-ку, мяу-мяу!

— Гав-гав! — Мерседес психанул.

— Цить, Мерсик. Как зовут?

— Васька! — гордо отвечал я.

— Чего в наших подвалах шастаешь?

— Я не шастаю. Я потеряшка.

— На тебя что ли наш Михась нагавкал? От него все память теряют.

— Нет. А кто это?

— Ясно. Мерсик, слышал? Совсем салага. Михася не знает. Сенбернар это местный. С первого этажа третьего дома. Как станет на окно. Заведет свое «гав-гав-гав» на полтора часа. Мы с Мерседесом как-то там под окном спали голубей гоняли. Михась в окно как заорет. Так потом два дня не слышали ни хрена. Я привыкший, а Мерс орал потом под окном у ветеринара. Еле спас его. Чуть кирпичом по уху не схлопотал. Ветеринар нервный у нас.

— Товарищи, я убежал от мамы с папашей...

— Ха! Мяу-мяу-мяу! Мерс, слышал? Это твои людишки, ага?

— Мяу! То есть — да.

— И чего здрызнул?

— От кас... кас... Кастрации, — я стыдливо поджал хвостик от себя.

— Мяуууууу, — черные понимающе кивнули. — Да ты счастливчик. Среди нашей компашки только Пух и вальнул от этой низости. Все остальные корефаны сидят уже готовенькие. В морде ноль эмоций, усами не шевелят, за хвостами не гоняются, кошек десятой дорогой обходят. Жрут сметану с «китикэтом». Никакой инициативы к селедке. Никаких мусорников. Жиреют и спят. Кошачий ад на земле, Васька. Мы поначалу решили, что ты тоже из этих...

— Нет, мяу-мяу!

— Ну теперь понятно. Ну че, Мерсик? Покажем новенького Дульсинеи?

— Надо. Ты не из сцыкливых? А то Дульсинея запахов не любит. Мы все по песочницам бегаем. В подвале у нас тут своя иерархия. Никаких запахов. Дульсинея прогонит. А зимой без подвала никак. Скоро холода. Сдохнешь без крыши.

— А кто эта Дуль...

Внезапно в подвал ворвался огромный бело-рыжий бесхвостый нахал. Стал гоняться из

стороны в сторону.

— Вот блин! Опять Пух валерьянки нанюхался. Сволочь. Где он ее добывает? Мерс пни его, а то опять в трубу врежется. Откачивай потом.

Черный Мерседес принялся гоняться за Пухом, но никак не мог его догнать. И тут появился он. Зайчик! Нет, не просто зайчик. Солнечный зайчик! Я бешено замыкал и прыгнул на него. Поймал! В этот момент в меня врезался нанюханный Пух, а за ним и Мерседес в придачу. Я был повержен. Мерседес взял в зубы Пуха за шкурку, оттащил под батарею. Тот принялся перекатываться.

— Готов, Джип. А салага молоток. С первого раза Пуха уронить. Такого громилу. Молодец!

— Да я...

— Молодец-молодец, — подхватил Джип.

— Это... — меня безумно мучал вопрос. — Мяу... То есть, а почему вас так странно зовут? Никогда не слышал таких имен.

— Эх! Мерс, поведаем братцу нашу историю?

— Мяу, — согласился неразговорчивый Мерседес.

— В общем взял нас, котят, как-то к себе домой один крутой человек. Здоровенный такой. Бритоголовый. Вечно ходил с такой громадной кривой палкой под пиджаком и приговаривал: «Мой «кольт» мне жену заменяет». Мы никогда

ничего не понимали, что он говорит. Ездил на двух машинах, таких черных-черных. Ласково звал их Мерюшка и Джипушка. Видно поэтому так и назвал. Кормил нас отменно. Какая-то женщина раз в неделю вычесывала, купала бывало, и море рыбы круглую неделю. Как мы много ее ели...

— Мяу, — Мерседес мечтательно уселся возле друга.

— А сметаны сколько... Эх. Ты столько сметаны в лавке «У Кузьмы» не видел. А этот молочник... Мяу, — Джип погрустнел. — До чего же глупость кошачья доводит... А эта женщина все нас кормила. Хозяин ей за это платил. А иногда они закрывались в комнате и кричали. Я думал, что она петь училась, а Джип — он у нас тогда немного дурноватым был — пугался и начинал орать. Я его заткнуть не могу. Хозяин как зарядит тапком. Этот сознание теряет и спит сутки.

— Мяу-мяу-мяу! — запротестовал Джип.

— Пожалуйста, продолжай.

— Однажды хозяин что-то принес в черной мантии. В шкаф повесил. Мы заподозрили неладное. Он ушел с утра. Я с Мерседесом забрался в шкаф. Так на этой мантии замочек такой был, открытый. Ну я лапой за него зацепился. Съехал разок, полностью открыл мантию, а там... М-м-м-мечта всех котов! Кожаное нечто. Это уже потом хозяин орал, что эта фиговина кожаным

пальтом зовется за пять тысяч долларов. И что такого в этом «пальто» с его «долларами»? В общем, страсть покататься взяла свое и мы с Мерседесом катались целый день. Вдоль и поперек. Пока оно в ленточки не превратилось. А вечером пришел хозяин, — Джип резко вздернул лапу и принялся там что-то выкусывать. — Проклятые блохи... Тьфу! Так вот. Хозяин на нас так посмотрел. Я все понял и дернул сам вниз по лестнице. Дверь, благо, была открыта. А вот наш дурень, — Джип указал мордой на Мерседеса, — ни черта не понял. Полез к хозяину обтираться о брюки. Вечно подлизой был. Ну тот его и швырнул через окно. А этаж тринадцатый. Теперь хромой он.

— Хорош тряндеть, кошачий умник.

— Как печально, — я понимающе подошел к Мерседесу и провел хвостом по его морде, тот чихнул.

— Мяууууууууу! Мяуууууу! — в подвал вошла громадная рыжая кошка, зло зыркнула на меня, на черных, а Пух без памяти продолжал валяться. — Это еще, что за серое недоразумение?

Джип чихнул и сказал:

— Мяу. Дульсиня, мы его привели к тебе на смотрины. От кастрации дернул. Васькой зовут. Крутой малый. Пуха припадочного с одного удара завалил. Вон в углу валяется.

— Та-а-ак. Ну нам бойцы нужны. Васька,

говоришь?

— Мяс! То есть да. Хочу сказать, что у меня с детства страсть к рыжим.

Дульсинея возмущенно обошла меня, нюхнула под хвостом.

— Наглец, — Джип настороженно шепнул Мерседесу.

— Мяс, — согласился тот.

— Ну страсть, не страсть, а покажешь себя уже вечером.

— Мяс? — я не знал, чего думать.

— А у нас тут своя бригада. Я, Джип, Мерседес и этот унюханный, — она кивнула на Пуха. — Вечером на дело идем. В магазин вечером рыбу привозят. Мы уже их третий раз бомбим. Ничему жизнь не учит. Джип и Мерседес — ударная группа. Рыбу таскать будут. Я отвлекать. А ты черным поможешь. Больше рыбы утащим. Пух на шухере будет стоять. Все равно после бутылки валерьянки ни на что не годен.

Черт возьми! Никогда не видел такой огромной рыжей. А какие формы! Хвост больше пухового платка бабульки в старом моем доме. А какие усы! Это произведение котоискусства. Никаких ребер. Только мягкий пузик. Я влюбился. Вслух мяукнул и сказал:

— Ну раз такое дело, красавица... То свиданка у тебя со мной сразу же после дела. Сегодня

рыбный день!

Я козырнул, нагло обошел ее, лизнул в усы. Надоело потакать своему боязливому хвосту. Я у них стану главным. А Дульсинея... Я мяукнул и первым вышел из подвала, бросив:

— За мной, бригада! У меня есть доработки по плану.

Дульсинея пошатнулась.

— Мурrrrrr, — она громко замурчала.

— Я буду называть тебя Дулькой. Дульсинея слишком долго.

— Ну рискни, — она обворожительно мурчала.

Джип и Мерседес недоуменно посмотрели друг на друга.

— Видишь, как этот быстро делает. А ты все травку ей полгода носишь, болван! — Джип свысока бросил Мерседесу.

— Мяу... — вздохнул Мерседес.

Скрипт3_Муха

Сеня, прикрыв глаза, лежал на лекции. На парте уже второй час ползала однокрылая муха.

Удивительно. Мухи существа со сноровкой, но последние сорок минут в ее маршрут входили три точки: карты, валяющиеся после недоигранной партии в «дурака», обертка от «Сникерса» (муха

Маша, так ее назвал Сеня, там по обыкновению задерживалась), и крайняя точка — рука Сени.

Рука, кстати, не двигалась тоже минут сорок. Лектор-философ расхаживал вдоль доски амфитеатра и продолжал настойчиво диктовать премудрости жизни Канта себе под нос. Похоже, что сам лектор мало верил в свои слова, так как то и дело глядел на наручные часы. Посмотрев в очередной раз — часы внезапно слетели с руки. Лектор досадно поднял их, положил на стол и невозмутимо продолжил еще тише.

Его голос был похож на жужжание сломанного вентилятора, который по привычке забыла выключить уборщица в аудитории.

Сеня обратил внимание, что муха сменила маршрут.

Маша поползла к глазу Сени. Коварный студент медленно поднял руку над головой, словно гепард готовящийся к прыжку на газель.

— Слушаю вас, — оживился лектор, заметив поднятую руку.

Сеня грохнул рукой по парте. Маша успела отскочить. Весь спящий ряд встрепенулся. Крайний студент упал и покатился вниз. На одном из рядов он задел другого студента. Тот от неожиданности вскочил вместе с заготовленной под партой бутылкой пива. Пиво улетело вниз, обрызгивая студентов. Перекрутившись несколько раз в

воздухе, бутылка неведомым образом мягко приземлилась на кофту за партой одной из студенток. Она в ужасе закричала. Сирена заставила отшвырнуть циркуль, которым что-то упорно чертил под партой коллега студентки. Циркуль летел в дверь, которая в этот миг распахнулась с насупленным деканом. Доля секунды спасла увернувшегося декана, черкнув его голову и унеся с собой парик.

Вся аудитория уставилась на Сеню. Муха продолжала ползать по парте. Сеня покраснел, оглядел всех и наконец выдавил:

— А я ведь просто хотел выйти...

Скрипт4_Грабеж

— Нет, ну ты представляешь? Прихожу я значит вчера на работу, и с порога эта общипанная индюшатица мне заявляет: «Аэлита Алексеевна, уважаемая! Когда, понимаешь, ты наконец нам отчеты сделаешь, а то зарплату не начислят и полторы тыщи человек я к тебе отправлю за деньгами!»! Как тебе заявочка, а?

— Ни черта себе!

— Так это еще что. Она за мной целый день по пятам ходит. Как будто главбуху заняться больше нечем. Приходит, понимаешь, к нам девчатам на курилку: «Девушки!» — это она нас

так называет. Дуня, прикинь? «Девушки, — говорит. — Вам бы не мешало иногда вашими прямыми обязанностями заниматься. А то вы курить выбегаете по три раза за час. Так и придатки простудить можно». Не, ну не наглеж, а?

— Бо-о-о-оже, Аэлитка, так сама ведь курит, нет?

— Ха! Это она так свое превосходство, Дуня, над нами показывает. Сама на дне рождения хозяина так напилась, что потом неделю в платочке ходила. Отек сходил, понимаешь.

У кассы минимаркета беседовали две женщины. Продащица — тучная, грубо накрашенная женщина лет сорока, с сиреневыми тенями в фиолетовом фартуке. Ее визави — не менее (а скорее более) тучная дама такого же возраста стояла перед ней с уже купленными пакетами. В маркете было три человека. Двое уже подошли к кассе. Один все крутился у стеллажа с женскими прокладками. То подходил, то стеснительно отходил к зубным щёткам, расположенным рядом. Тем временем женщины невозмутимо продолжали.

— Ой, ну ее эту курицу, я тебе щас про своего расскажу. Заявляется вчера на бровях, сволочь. Три часа утра. Я ж конечно подстерегаю со сковородкой. Замахалась по коридору ходить. Малая выходила в туалет. Пугалась все время.

Приходит оно...

— Девушки, мы конечно просим прощения, что беспокоим вас, — очнулся интеллигент, занявший очередь за тучной. — Но отпустите нас, пожалуйста. Мы ждем долго.

— О-о-о-ой... — продавщица всем телом обернулась к надоедливому клиенту. — Родной мой, касса не работает! Ждите. Карточки банк не принимает.

— Так у меня не карточка. Я с наличными.

— Тем более! — она подалась вперед. — Кассу заклинило. Сдачи нету. Кассовый аппарат не работает. Жду мастера.

— Так только что все работало.

— Работало, но вот клиентку отпустила и заклинило. Ждать надо.

— Так вы же никому не звонили.

— Деревня! Звонить не надо никому. Все автоматически. Сигнал пошел.

— Но...

— Так, уважаемый, не морочь голову. И вся очередь там. Хотите ждите, хотите идите.

— Дуня, что ты с ними церемонишься? Чего? Не видите? Касса не работает. Ну, и чего твой? Пришел?

— Пришел, гад, в три часа. Заходит оно. Морда о-о-о-о-от такая, красная, — женщина указала на свою помаду на губах. — Губы в крови.

Видать, кто-то уже надавал. Рубашка порванная, штаны грязные, под ногтями вот эти, как их?..

— Девушка, простите, — интеллигент не унимался, — у меня без сдачи точно будет.

— И чего мне с этого? Не понимаешь? Чек я тебе не выпишу. А как товары пробить? Мне эти проблемы не нужны с начальством. Жди там.

— И, молодой человек, — Аэлита поддерживает, — не шуми, я после работы. Голова болит. Страх!

— Женщины, у нас у всех голова болит. Пятница. Вечер, — девушка за интеллигентом взбунтовалась. — Отпустите нас, а?

К кассе стремительно шел третий. Отважился, наконец.

— Я прошу вас. Мне нужна ваша помощь.

— Дама, никто тебя отпускать не будет, слышишь меня, а? — продавщица отвечала девушке. — Ты глухая или как? Мне может родить тебе кассовый аппарат? Или купить пельмени твои с салом копченым? Я б на твоём месте не ела недели две. В зеркало посмотри на себя! — после последней реплики живот продавщицы напрягся и пуговица на фартуке отлетела.

Девушка онемела.

— Да-да. Тихо там, — Аэлита снова поддержала подругу.

Молодой человек снова стеснительно отошел,

но быстро вернулся и чуть громче произнес.

— Простите, пожалуйста! Помогите мне.

— Ша там мне! — Аэлита снова вмешалась.

— Я требую жалобную книгу! — обиженная клиентка возмущалась.

— Я тебе могу дать жалобную книгу, дорогая. Но там страницы кончились. Так что жалобу свою можешь на лбу написать. Касса не ра-бо-та-ет!

— Я прошу вас. Мне нужна помощь, — еще чуть громче произнес третий.

— Ваше поведение возмутительно, — интеллигент вступился за девушку. — Вы никакого права не имеете так разговаривать с клиентами. Так, мы уходим. В другой магазин.

— Как же. Уйдет он. Пойди-пойди. В другой поселок за пятнадцать километров в одиннадцать часов ночи. Тут мне один уже грозился. Аэлита, слышишь. Он же ж такой и говорит. Уйду, говорит, щас. А сам на одной ноге стоит. Вторая подкошенная. Уйдет он, Аэлитка. Та хоть бы ушел бы под три черты. Жизнь мне всю искалечил, гад. Все вы мужики... Ану давай отсюда!

Продавщица вышла из-за прилавка и стремительно подошла к покупателю, схватив щетку для машины из-под кассы.

— Жен-щи-ны! Помогите мне! — третий клиент у кассы взвизгнул и наконец обратил на себя внимание.

— Что ты хочешь?! — Аэлита с продавщицей хором. — Пиво и сигареты вон там, — продавщица раздраженно ткнула пальцем в стеллаж.

— Женщины, мне не нужны пиво и сигареты. Мне надо... Как бы это сказать... Неудобно ведь...

— Неудобно писать против ветра. Что надо тебе? Все равно не отпущу.

— Уважаемая, вы понимаете, что теряете клиентов? — интеллигент продолжал «давить» продавщицу.

— Какие клиенты? Ты с дуба рухнул? В округе нет ни одного магазина. Два на ремонте. Клиент!

— Ох, елки-палки! Да прокладки мне нужны! Прокладки! — теперь визг третьего покупателя был слышен на весь магазин. Все обернулись.

Парнишка стоял, свернув свои руки в кулачки и зло смотрел на всех. Первой очнулась девушка.

— Миленький вы наш, так вы не в тот магазин зашли. С вашими вкусами надо в город ехать в спецбутики. Я уж и сомневаюсь. А разве это... Эм-м-м-м... В играх уже стали использовать?

Молодой человек раскраснелся. На него с любопытством смотрели все.

— Да нет же. Меня попросили купить.

— Ой, я не могу, — тучная покупательница Аэлита вспыхнула. — Так, что это? Тебя баба за прокладками послала?

Теперь вспыхнула и продавщица, наконец, отойдя от интеллигента.

— Прекратите! — третий снова взвизгнул.

Тем временем в маркет зашел новый покупатель. В черной куртке с капюшоном. Длинный. Худой. Сгорбленный. Он проследовал внутрь. Стал крутиться вокруг стеллажа с колбасой. Обратил внимание на суетящихся у кассы. Быстро натянул на голову черную маску. Снова одел капюшон.

— Мне нужны прокладки.

— Во-он там, не видишь, что ли?

— Но я не знаю, какие...

— Всем стоять на месте! Это ограбление! Давай сюда кассу, — грабитель в маске выскочил из-за стеллажа с колбасой, угрожая револьвером.

— Ой. Ой! Что делается! Грабеж среди центра города. О-о-о-о-ой! — Аэлита стала визжать, интеллигент закрыл уши, девушка рухнула на пол, закрывая голову руками, все отступили от кассы, а тучная не унималась. — Иро-о-о-о-од! Чего это ты делаешь, а?

Грабитель, резво подскочивший к кассе, заметив тучную, стал отступать к выходу.

— Какого лешего ты воровать вздумал? А кто работать будет? Тебя мамка с папкой не научили трудиться, что ли? Чего молчишь, гад? — она выхватила с кулька палку колбасы и ударила по

руке грабителя, пистолет упал на пол.

Аэлита не унималась и продолжила метелить колбасой грабителя. Тот отступал назад. Разъяренная женщина сорвала капюшон с головы неудачника вместе с маской. Женщина замерла.

— Ваня...

Перед тучной стоял белобрысый сморщенный парнишка.

— Мам... Я... Я не хотел...

— Да ты озверел совсем?!

Очередь ошалело наблюдала за сценой.

— Ма, я н-н-н-не... хотел.

— Ох, я тебе сейчас покажу «не хотел». Мало того, что ты у матери по карманам деньги тыришь. Так ты еще и подругу мою ограбить захотел. Ох, я тебе устрою.

Аэлита лупила колбасой по голове грабителя. Тот отступил за порог и сбежал.

— Ну погоди! Получишь у меня дома. Нет, Дуня, ты представляешь? Теперь опять будет неделю у Женьки прятаться, паразит.

— Ой, что ж это делается, подруга, — продавщица невозмутимо вернулась за кассу. — Ваня опять за старое? Куда он эти деньги деваает?

— Гаденыш бегаёт все в автоматах проигрывает. Вот жаловалась уже участковому нашему. А тот, видать, прикрывает все. Ну ничего. Доберусь до районной полиции на всех нажалуюсь.

— Ага. Ага.

— Послушайте, ну продайте, наконец, мне мой хлеб, — интеллигент опять за старое.

— А мне сало! — девушка встала, отряхиваясь с пола.

— А я прокладки хочу, — третий не отставал.

Тучные дамы хором:

— КАССА НЕ РА-БО-ТА-ЕТ!

Скрипт5_Качок

— Смотри, очень важно меня слушать, — над низенькой студенткой навис здоровенный фитнес-тренер Саша. — Это первое. Второе — если ты решила серьезно заниматься, то нужно обязательно слушать мои советы.

Саша излагал очень серьезно. Студентка его внимательно слушала. Правда, выражение ее лица говорило: «Чувак, покажи, наконец, как включить беговую!». Ребята, расположившиеся у штанги, посмеиваясь, наблюдали за парочкой.

— Самое главное в зале — техника безопасности. Если беговая не включена, то ее нужно включить, убедившись, что это не угрожает твоей безопасности.

Студентка не выдержала:

— А какую угрозу может нести беговая?

— Просто она с третьего раза включается.

Может током шарахнуть. Но это не важно, — Саша на минуту запнулся и снова продолжил менторским тоном.

В зал стремительно зашел татуированный качок.

— О-о-о. Пацаны, приехали. Хана тренировке. Чокнутая Обезьянка пришла.

— Здорово, мужики! — весело закричал качок.

— Приве-ет, — уныло все.

Саша отвлекся от студентки и с интересом глядел на Чокнутую Обезьянку. Так ребята называли качка.

Тем временем качок быстро ухватился за перекладину и начал подтягиваться.

Он громко кричал.

Закончив на тридцатом повторении, качок начал бешено приседать. Присел раз пятьдесят, побежал махать руками. Закончив с руками, принялся мучать тренажер, качая бицепсы. Накинув все блины, приступил к суперсету. Все перестали заниматься, замороженно наблюдая за Обезьянкой. Наконец, он сделал перерыв.

— Фух, мужики. Такая маленькая разминочка. А вы чего не занимаетесь?

— Да мы учимся, — Саша ожил. — Опять кричать будешь?

— Это помогает брать больше вес. О, время,

— он принялся за старое.

В зал заглянула администратор. В ужасе посмотрела на Сашу.

— Что, Аленка, боишься? — Саша улыбался.

— Нет, — она пыталась перекричать Обезьянку, — дети твои приходили. Они испугались и убежали. Подумали, что здесь мужикам эпиляцию делают.

— Вот блин. Опять с женой ходили в салон, — Саша выбежал в коридор.

Тем временем над Обезьянкой стала мелко крошиться штукатурка. Хрупкий стройматериал не выдерживал постоянные удары тренажера. Ребята кричали:

— Давай-давай! Еще! Качай! Качай!

Подбадриваемый Обезьянка стал орать еще громче. Один из ребят подскочил к колонкам, включил трек Джигана «Надо подкачаться». Весело запрыгал. Но колонки играли все равно тише качка.

Студентка внимательно наблюдала за качком. Вместо того, чтобы смеяться, она разглядывала его со всех сторон. Он закончил суперсет. Принялся ходить по залу и усердно вытираться. Дорогу к очередному обходу зала качку преградила студентка.

— Так это был ты?

— Чего?

— Не «чего», а ты! Я этот ор на всю жизнь

запомнила.

— Не понимаю.

— Да какой не понимаешь?! Это ты тот загадочный любовник матери.

Обезьянка перестал громко дышать и начал медленно отступать.

— Паразит на дне рождения познакомился. Она нетрезвая была. Лица не запомнила, а ты квартиру обчистил.

— Итак, друзья, — один из парней еле сдерживая смех, — тренировка перестает быть томной. Много денег унес?

— Да, если б деньги. Он оригинал. Мать так устала от его крика, что заснула. А этот бешеный принялся рыться в ее вещах, надыбал ящик с бельем и утащил все лифчики. Мать проснулась, а этот с перепугу выскочил в окно. Видать, не разбился, как видите. Возвращай лифчики, паразит!

Ребята громко засмеялись. Качок в растерянности отступал к окну.

— Вы меня с кем-то путаете. Это не я.

— Как не ты? Кто ж так орать еще может в этом городе?!

Качок бросился в угол. Металлопластиковое окно высотой в три метра открывалось лишь у потолка. Качок резво по турнику взобрался наверх. Выбрался наружу. Упав, он прихрамывая, помчался по дороге.

Ребята хором:

— Мужики, догоняем воришку лифчиков!

Они выбежали в коридор, где в углу стоял Саша, ковыряясь чисткой в ушах одного из сыновей.

— Ну, сколько раз вам можно повторять. Не ходите с мамой по женским салонам. До добра это не доведет. Теперь слышишь?

— Нас заставили, — хором отвечали ребята.

Студентка в зале пожала плечами и воткнула вилку от тренажерной дорожки в розетку. В зале погас свет.

— Ха! Не шарахнуло! — студентка весело потянулась.

Скрипт6_Компаньоны

— Шеф, у нас возникла проблема.

В дверях кабинета стояла Света. Сорокалетняя секретарь. Стеклопанная дверь распахнута. Света нарочито строго одевается вот уже весь срок пребывания в агентстве. Как раз со дня открытия. А агентствo не простое. Вы можете называть его банально «Секс по телефону», но Семен Семенович Вассерштейн, который как раз восседает сейчас перед Светланой на большом кожаном стуле, ласково зовет свое детище «Блудливый помощник». Так и написано на его двери. Да, в офисе все двери

стеклянные. Собственно, офис небольшой. Большая комната — кол-центр, кабинет Семен Семеновича, предбанник, где сидят несменная Светочка (она именно так любит себя называть и требует этого от вновь пришедших девочек на работу) и Давид Иванович. Партнер Семена Семеновича.

Что сказать? После закрытия журнала «Чебурашка», которым кстати и заведовал наш Семен Семенович, для него наступили непростые времена. «Чебурашку» в основном читали зрелые люди, с уже сложившимися принципами. Это такой себе симбиоз большевистской «Правды» и «Огонька». Правда на капиталистический манер. После распада Союза Семен Семенович уволился и решил просвещать народ самостоятельно. Как ему удавалось построить пресловутый симбиоз «Правды» и «Огонька», одному Богу известно, но, в общем, удалось. «Чебурашка» был популярен и печатался не только в столице, но и в пригородах. Тираж по обыкновению составлял от трех до пяти тысяч в месяц и приносил Семен Семеновичу солидный доход. Волноваться не приходилось.

Семен Семенович, проработав в штате одной из советских газет журналистом, возненавидел слово «штат». Он был необыкновенным обыкновенным журналистом. Обыкновение Семена Семеновича заключалось в том, что он все двадцать лет писал статьи на самые банальные темы, начиная

опусами о величине надоев в Черкасской губернии и заканчивая о глубоких философских рассуждениях творчества раннего Достоевского. Его статьи не читали, причем эта нечитаемость доходила до того, что вскоре он сам перестал их читать. К своему несчастью, этим приходилось заниматься редактору. А вот главный редактор газеты, госпожа Виолетта, была на редкость некрасива и в этом заключался огромный успех... Успех Семена Семеновича, разумеется.

Несмотря на свою своеобразную внешность Виолетта (да-да, именно так, никаких отчеств) была замужем за высокопоставленным партийным чиновником. Но мужчиной в семье была она, поэтому и позволяла себе эта дама намного больше, нежели муж. А «намного больше» и был наш многоуважаемый Семен Семенович, который оценил хватку и напористость Виолетты по отношению к себе на очередном дне рождения одной из старейшин упомянутой газеты. В этом и заключается необычность Семена Семеновича.

Пара неинтересного человека и напористой женщины состоялась и держалась, между прочим, все двадцать лет. Супруга Семена Семеновича конечно же знала об изменах мужа, да и супруг Виолетты тоже об этом догадывался. Но первая этого не замечала, так как крепкий брак с уже повзрослевшими детьми стал привычен, а

любовников и у нее хватало. А второй права голоса не имел, так как несмотря на партийную выучку, был человеком слабовольным.

Но наступили новые времена. Семен Семенович по прежнему ненавидел слово «штат». Почему? Он не знал. После распада газеты его прочный брак тоже распался, как, впрочем, и союз неинтересного человека с напористой женщиной. Все было бы плохо, если бы не единственный друг Семена Семеновича Давид Иванович. У Давида были деньги, у Семена Семеновича теперь свобода (не надо домой идти и на работу бежать). Вот они и сошлись, организовав «Чебурашку». Нелюбовь к штату Семена Семеновича вылилась в его отсутствие. Конечно, не считая партнера и секретаря. Статьи заказывали по фрилансу, естественно поначалу не зная этого слова, и выплачивали не очень большие гонорары. Хватка Давида Ивановича помогала собирать бюджеты разных газетных и журнальных рекламодателей, а дотошность Семена Семеновича — их удерживать всеми правдами и неправдами. Последнее, разумеется, происходило чаще.

Статьи шли океанами. «Чебурашка» вещал и об экономической политике всех постсоветских правительств, и о все тех же горячо любимых надоях, и о личной жизни Аллы Пугачевой, и об исследованиях в области строительства ядерного

щита (а точнее — его выживания). Позднее это стало никому неинтересным и все та же пара неинтересного человека и человека с хваткой, правда теперь хватку олицетворял в тандеме Семена Семеновича мужчина, стали думать, чего им предпринять. А предприняли известную вещь. Стали писать о том, что интересно публике. Массовая истерия, направленная на изучение бухгалтерского учета, разных практик ведения бизнеса, технологиям продаж, захлестнувшая бывшие советские республики, вызвала сумасшедший интерес ко вновь воспрянувшей «Чебурашке». Поначалу писали и Семен Семенович, и Давид Иванович, причем писали совершенно не зная темы, потом писали новые внештатники, так как на первых порах Семену Семеновичу верили рекламодатели. Но после шквала жалоб в редакцию относительно некомпетентности «экономических» обозревателей «Чебурашки», Давид Иванович запретил касаться пера Семену Семеновичу и заставил того найти толковых фрилансеров. Дело закрутилось с новым оборотом. Давид Иванович все так же находил рекламодателей. Семен Семенович радовался жизни, а секретарь Светочка носила чай, кофеи, и... отчеты в налоговую.

Десятые года нового века подходили к концу. Спрос на «Чебурашку» неумоимо падал. Появились

мощные конкуренты. Развитие инфобизнеса. Давид Иванович и Семен Семенович на этот раз не успели вскочить в последний вагон. «Чебурашка» пал. Рекламодатели убежали несмотря на тиски Давида Ивановича, пытавшегося зацепиться зубами за каждого. Зубы пожелтели и остались без добычи.

Как-то Семен Семенович и Давид Иванович по обыкновению скучали в стрип-клубе. Разведенные пожилые холостяки еще не успели потерять интерес к женщинам. Скорее наоборот. Обрели новые крылья. Но крутящиеся аппетитные попы стриптизерш вызывали только уныние в сердцах горе-партнеров. После второй бутылки виски друзья попытались встать. Упали. Их поднимали. Сначала знакомая стриптизерша. Потом охранники. В итоге удалось это сделать всем вместе и стриптизерша Анхелика (в миру Люда) ненароком шепнула про себя слова:

— Фух. Слава Богу, дедов подняли.

Давид Иванович протрезвел в миг и обернулся на Люду-Анхелику.

— Повтори, что сказала.

— Ой! Давидик, прости. Не думала, что ты услышишь. Прости, прости, прости!

— Нет, нет, нет. Плевать. Повтори еще раз.

— Ой... Да ничего такого. Обрадовалась, что вас подняли. Не обижайтесь на счет «дедов».

— Елки-палки, повтори тем же голосом.

— Каким?

— Низким.

Анхелика удивленно вскинула брови, но послушно повторила. Постоянный клиент, как-никак.

— Вот оно! Сеня, отлипни от стула! — Семен Семенович успел уже сесть на пол и прилип щекой к кожаному стулу. — Вставай, говорю, Сеня!

Семен Семенович наконец попытался подняться. С третьего раза получилось.

— Ну чего ты еще придумал?

— Нам нужны голоса.

— Я и так голос своей жены бывшей...

— Нет, речь не о твоих кошмарах. Нам нужен «Секс по телефону»!

— Давидушка, так мы в стрип-клубе... Зачем?..

— Эх, Сеня, совсем набросался. Поехали домой. Протрезвеешь, расскажу. Люда, разберись со счетом и быстро.

На утро Давид Иванович был у Семена Семеновича уже в восемь утра. Трезвый, как стеклышко. Как ему это удавалось? Он изложил идею о сексе по телефону. Семен Семенович долго отнекивался, не желал связываться в сложные отношения с налоговыми, бандитами, да и дело это похабное... Но после того, как Давид Иванович назвал предположительные суммы заработка (он

каким-то чудом обзвонил ночью всех своих знакомых, занимающиеся бизнесом) Семен Семенович забыл о своих религиозных убеждениях и стал слушать.

В принципе, слушает он до сих пор. «Блудливый помощник» процветает вот уже пять лет. Конечно, были трудности. Взлеты и падения. Но за этот срок двум партнерам пока не приходилось придумывать чего-то нового.

И вот теперь назойливая Светочка радостно смотрела на Семена Семеновича.

— Шеф, вы меня слышите? У нас проблема.

— Светочка, я не глухой. Что вы там еще придумали?

— Ну на прошлой неделе я вам говорила, что девочке поболели. Из десяти осталось двое. А сегодня и эти две не вышли. Коллапс.

— Как не вышли? — Семен Семенович наконец очнулся, перестав листать журнал.

— Вот так. Вы всё отмахивались. Давид Иванович весь в бегах. А это ситуация. Кому теперь клиентам отвечать? Некому. У вас, извините, голос далеко не женский. Я под это не подстроюсь, ну а Давид Иванович с его хрипотцой разве что на «Эксклюзив» вместо Карины посадить можно.

— Да на «Эксклюзиве» звонков-то раз-два и обчелся.

— Вот и я об этом.

— А как же сейчас?

— Ну как... Снимаем за соединение, как мы любим делать, потом минута на линии и ответ «Свободных девушек на данный момент нет».

— Елки-палки. Это трагедия. А сколько звонков было?

— К пятидесяти приближаемся.

— Боже, это конец...

— Что за конец? — на пороге стоял довольный Давид Иванович. — Сеня, хнычешь? Рассказывай, что стряслось? Опять дома смеситель починить не можешь? Жмет мастера вызвать, еврейская твоя душа?

— Давидик, дело не в этом. У нас катастрофа...

— Ба! Или твоя новая пассия тебя бросила?

— Какая пассия...

— Семенчик, я с тобой до гроба. Не бойсь. Как говорила моя матушка дорогая, вернее говорит, все никак не привыкну, что этой старой ведьме девяносто семь, а она все на балконе сидит и вещает...

— Давидушка, прекрати! Светочка, объясни ему.

— Давид Иванович, — Светочка радостно повернулась, — у нас проблема!

— Такое впечатление, что вы радуетесь не проблеме, а полету Гагарина в космос. Сколько раз

объяснять, Светочка, наши проблемы автоматически превращаются в ваши. Неужели...

— Черт подери, Давид, выслушай ее!

Семен Семенович вскипел.

— Давид Иванович, — Света продолжила, — у нас заболели все девочки. Какой-то новый грипп. Никого на работе нет. Кол-центр держит людей на линии.

— Ну и пусть себе держит. Не в первый раз.

— Как это, Дава?! — Семен Семенович вскочил и стал нервно ходить по комнате. — У нас же постоянные клиенты. Потеряем. Надо что-то делать.

— Ну раньше же не потеряли, а...

— А. Черт, Дава, кризис на дворе. Будут звонить другим. Мы за счет постоянных держимся.

— Сенечка, сколько раз ты мне это уже говорил? И чего? Не умерли ведь.

— Я умываю руки. Светочка!

— Да-да.

— Где мои запасы коньяка? — Семен Семенович заметался по кабинету.

— Та все там же. Вы по привычке их в туалетном бочке прячете.

— Все-таки, Сеня, семейная жизнь тебя в страх-то какой вогнала, — продолжал гнать свою линию Давид Иванович. — Уже сколько не женат, а все заначки делаешь.

— Ушел. Делайте что хотите.

Семен Семенович немедленно выскочил из кабинета. Улыбающийся Давид Иванович приуныл.

— Ну, я так не играю. В это раз быстро.

Светочка терпеливо стояла на своих коротких каблучках и внимала начальника.

— А все же это проблема... Надо решать. Так, Светлана...

Светочка прокашлялась.

— Ладно, Светочка. Давайте вызванивать всех. Будем молить выходить на работу.

— Давид Иванович, я вот решила первый раз в жизни проявить инициативу и обзвонила каждую.

— И чего?

— Да все как одна отвечают таким голосом, вроде они мешок красного перца съели. У нас таких гурманов для секса по телефону не найдется.

— Мдааа...

— Кстати, Давид Иванович, вы им на той неделе зарплату платили?

— Верно.

— Подозреваю, что они и дернули отдохнуть, а сейчас нам лапшу вешают дружно.

— Черт. Вот, что значит работать со студентками. Неужто все?

— Все, как одна.

В комнату зашла молодая особа в фартуке. Волосы строго заколоты в пучок. Довольно высокая